

что Россия не знала культурных форм Ренессанса и Реформации, элементы С.к. в ней развивались как альтернатива господству инверсии. Начиная с Петра I, ставшего плотником, ученым, врачом, купцом и т.д., дело, производство, наука, рациональная рефлексия стали той областью, где произошел синтез двух антагонистических уровней русской культуры: помазанник Божий, воспринимавшийся в массовом сознании Богом, стал мастером, а мастер стал Богом, родился новый высший идеал — нравственность дела; и потому, что царь помазанник божий стал деловым человеком, и потому, что дело стало царевым-боговым, профессия, мастерство приобрели статус царственности-божественности, они стали нести в себе высшую нравственность. Абсолютное в сознании русского человека стало измеряться глубиной относительного. Царь-плотник создал прецедент, который указывал на земное как на единственную подлинную область свободы. В России возникла С.к. в форме представления о высшем профессиональном мастерстве как синтезе дела и высшей нравственности: появились высшая нравственность профессионализма и свободного религиозного выбора. Возникла нравственная основа превращения человека из объекта потусторонней воли тотема в реального субъекта. Наиболее продвинутые формы С.к. в России складываются не столько в экономике и политике, хозяйственной и политической жизни, сколько как результат литературной деятельности в тончайшем слое элитарной культуры. Значимая С.к. развивалась в основном через формирование индивидуализма литературного образа и, следовательно, через развитие художественной литературы, читающей публики и литературного языка. Срединность как специфи-

ческий анализ человеческой реальности и как принцип развития культуры складывалась в XIX в. в мышлении Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Островского, Чехова. Развивалась способность критики абсолютизации сложившихся смыслов культуры, поиска в сфере между полюсами дуальной оппозиции новых смыслов, формируя тем самым нового субъекта культуры, способного через рефлексию повышать уровень медиации и на этой основе преодолевать раскол в культуре. Медиационная логика этих писателей несет социокультурную программу, которая проявляется в критике человека как человека инверсионного и выдвижении в культуре России медиационной альтернативы. Эти писатели, осваивая сложившуюся русскую культуру, отказались абсолютизировать ее ценности. В отличие от религиозных и народнических мыслителей, они сумели понять смысл преодоления ее соборно-авторитарной формы и логику ее воспроизводственного процесса через ценность индивидуализма. В элитарной культуре от Пушкина до Чехова и до ученых, писателей и бардов конца XX в. за 200 лет сложилась связь времен, сформировалось срединное, пушкинско-чеховское мышление, противостоящее и державно «симфонической» религиозности и соборно-державному атеизму. Диссидентская логика этого мышления, сегодня все более смыкающаяся с диалогизмом и медиационной методологией, проникающая в методологию науки и художественного творчества, становится выразителем способности найти новую меру сущности, понять и преодолеть раскол в культуре России, перейти к срединному, почвенно-либеральному идеалу, к диалогу небесного и земного в повседневном человеческом.

Е.Н. Яркова

НАЦИОНАЛИЗМ И УТИЛИТАРИЗМ В РОССИИ

Материал подготовлен при поддержке РГНФ,
грант №03-03-00090а

Яркова Елена Николаевна —
доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Тюменского государственного университета

Национализм — понятие амбивалентное, предполагающее диаметрально противоположные интерпретации. П. Б. Струве, например, квалифицировал истинный национализм, как присутствующую в душе всякого искреннего, живо и глубоко чувствующего человека, любовь к родине(1). Однако даже такое позитивное прочтение не лишает национализм присущей ему двойственности — и любовь к родине может носить не только созидательный, конструктивный, но и разрушительный, деструктивный характер. Негативные потенциалы национализма хорошо иллюстрирует знаменитая «лестница В. С. Соловьева»: «национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение» (2).

Одним из значимых способов превращения национализма в разрушительную силу является абсолютизация национальной традиции, интерпретация ставших национальных форм культуры как раз и навсегда данных, неизменных образцов деятельности и социального взаимодействия. Заго-

няя общество в ловушку культурных стереотипов, национализм такого рода оборачивается неспособностью к самоорганизации, самообновлению, т.о. ведет общество и культуру к старению, разрушению, энтропии.

Одной из таких ловушек, как представляется, является давнишняя русская идея об антиутилитарности (анти-практицизме, анти-прагматизме) русского человека, как специфическом качестве русской культуры, выгодно выделяющем ее из числа других. В современной культурфилософской мысли России эта идея выражается при помощи терминов «постматериальная», «постэкономическая» культура. Как известно, приставка *post* несет двойную смысловую нагрузку. С одной стороны, с ее помощью образуются термины, имеющие отрицательные значения. Таким образом, понятия постматериальная и постэкономическая культура по смыслу идентичны понятиям нематериальная и неэкономическая культура. С другой стороны, приставка *post* указывает, что отрицаемое ею явление представляет собой некоторый уже пройденный этап развития, преодоленную форму культуры.

Без сомнения, идея низкой утилитарности (нематериальности, неэкономичности) русской культуры отчасти справедлива — в русском культурном архетипе утилитарные смыслы не являются определяющими. Однако едва ли можно согласиться с тем, что материальные, экономические проблемы являются для России проблемами вчерашнего дня. Поэтому культивирование идеи антиутилитарности русской культуры, превращение этой идеи в стратегию национального бытия, возведение в статус программы развития, на мой взгляд, есть дорога в никуда.

Зададимся вопросом, а действительно ли русская культура антиутилитарна? Отвечая на этот вопрос необходимо констатировать, что нет и не может быть культуры радикально неутилитарной. Утилитарные смыслы являются неотъемлемой частью культуры человечества, полное забвение идеалов человеческой пользы равносильно массовому суициду. «Не было живого человеческого существа, которое бы не ссылалось на принцип полезности во многих и, может быть, в большей части случаев своей жизни», — утверждал классик западного утилитаризма И. Бентам(3). Что касается России, то следует говорить не об антиутилитарности русской культуры, а о специфике ее утилитаризма. Анализ русской культуры показывает, что характерной ее особенностью было преобладание примитивных форм утилитаризма, ориентирующих человека и общество не столько на производство, сколько на приобретательство или уравнительное перераспределение благ. Б. Н. Миронов, например, указывает, что основными способами, при помощи которых в представлении русского крестьянина рубежа 19-20 веков можно было достичь славы и богатства, были: усыновление богатым покровителем, получение статуса купца, удачная женитьба на богатой невесте, приобретение капитала, получение дворянства. Земледельческий труд, а также работа фабричного рабочего не входили в перечень выгодных, несущих успех деяний(4). Симптоматично, что и на рубеже 20 -21 веков массовый утилитаризм в России также отливается, по преимуществу, в примитивные формы. Ю.Н. Давыдов утверждает, что торгово-спекулятивный, авантюрно-

ростовщический тип капитализма, концентрирующий свои усилия на делании денег из денег, вдохновляемый принципом «не обманешь — не продашь», занимает лидирующие позиции в российском бизнесе, подавляя и оттесняя промышленный, индустриальный капитализм, ориентированный на получение богатства из высокопроизводительного труда, руководствующийся принципом «честность — лучшая политика»(5).

Примат примитивных потребительских форм утилитаризма и дефицит зрелых производительных отнюдь не был безобидной национальной особенностью, он оборачивался не только периодической нехваткой средств жизнеобеспечения, бедностью и хозяйственной неэффективностью, но и постоянной угрозой архаизации общества, реанимации примитивных форм социально-экономического бытия. Неспособность к освоению утилитарных смыслов во всей их полноте и разнообразии превращалась в неспособность к развитию, самоорганизации, формированию новых более эффективных стратегий жизнедеятельности. Освоение утилитарного пласта культуры в России развивалось по пути абсолютизации крайностей. От ригористического отторжения идеалов человеческой пользы как ложных российская интеллигентная мысль переходила к абсолютизации примитивного уравнительно-распределительного утилитаризма как главного ориентира жизни общества. Продуктом манихейской односторонности, ограниченности трактовки утилитаризма стала исконно русская идея несовместимости его развитых форм — прагматизма, предпринимательства, достижительности — с высокой духовностью. В русской культуре утвердился взгляд на высокую духовность как качество, сопряженное с бедностью, мирской неустроенностью, хозяйственной примитивностью. Тогда как богатство, рачительность ассоциировались с бездуховностью, моральной распушенностью. Таким способом, складывался механизм консервации примитивных форм хозяйствования, низкой культуры быта, минималистской этики труда. Возникающее, как следствие манихейского максимализма, алогичное смешение плоскостей и планов вскрыл Н.А. Бердяев: «Нельзя ... идеализировать элементарную и примитивную хозяйственность, как более духовное и свободное состояние. Отстало, элементарное примитивное хозяйство несколько не менее материально, чем развитое капиталистическое. Если идти назад по линии материального развития человечества, то мы не дойдем до свободного цельного духа, а дойдем лишь до более элементарных и примитивных форм материальной жизни»(6). Однако голос Н.А. Бердяева тонул в общем хоре голосов российских интеллектуалов, оценивающих русский антиутилитаризм как явление в высшей степени положительное и прогрессивное.

Идея антиутилитарности русской культуры способствовала консервации в российском обществе односторонних трактовок национального интереса. Принцип гармонии государственного, частного, общественного интересов, выраженный в знаменитой формуле И.Бентама «Максимум возможного счастья для наибольшего числа лиц» не стал национальным для России. Урегулирование интересов осуществлялось здесь по традиционалистской формуле иерархии интересов. Главенствующие позиции изначально получил государствен-

ный интерес, который монополизировал интересы групп, частных лиц и т.д. Идея первичности государственного блага, в какие бы романтические формы она не облекалась, не могла исполнять роль универсального двигателя развития общества, государственная инициатива не подменяла инициативу частную. Гипертрофия государственного интереса, в силу существующих прямых и обратных связей в культуре, способствовала консервации примитивных потребительских форм утилитаризма. Понимание ущербности однобокой интерпретации национального интереса только лишь как интереса государства в российской интеллектуальной мысли рождается достаточно давно (Посошков, Радищев), однако, отказываясь от этатистских трактовок национального интереса, в качестве альтернативы интеллектуальная элита выдвигала популистские. Абсолютизация интереса государства сменялась абсолютизацией интереса народа, тогда как сам принцип иерархии интересов оставался неизменным. Партиципация к принципу народной пользы выливалась в идеализацию всего строя народной жизни, ее архаических и примитивно-утилитарных форм. Усилиями российских интеллектуалов присущее народной традиционной культуре табуирование достигательного индивидуализма, инновационного предпринимательства обрело мировоззренческий статус, превратилось в атрибут национальной идеи. Односторонность интерпретации утилитарного принципа пользы, не утратила своей актуальности в ментальности современных россиян, которыми руководит идея партиципации к идеалам личной пользы и соответственно, отчуждение от идеалов

пользы общественной, государственной. Неспособность к освоению утилитарных смыслов бытия во всей их полноте и разнообразии, неспособность сделать эти смыслы частью своей культуры, обобщалась неспособностью к развитию, самоорганизации, самосовершенствованию.

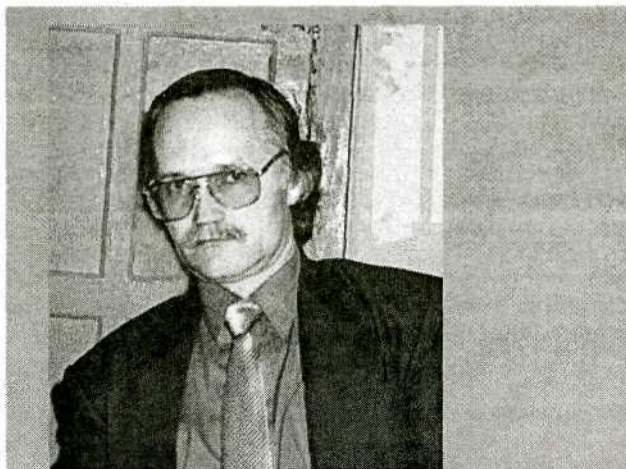
Суммируя сказанное, можно констатировать, что идея антиутилитарности русской культуры способствовала заикливанию российского общества на примитивных потребительских формах утилитаризма, которое, в конечном итоге, выступало одной из причин инверсионно-циклической динамики российской цивилизации. Освобождение от власти, сложившихся в русской культуре контрпродуктивных культурных стереотипов, преодоление манихейских форм оценки утилитарных смыслов бытия; их вытеснение идеями гармонии ценностей повседневности и высокой духовности, можно рассматривать как одну из важнейших задач развития современной России, следовательно, как стратегию истинно национальную.

1. Струве П. Б. В чем же истинный национализм?//Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 13.
2. См.: Янов А.Л. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. Новосибирск, 1999. С.9.
3. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. С. 12.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (18-начало 20 вв.) Генезис личности, демократической семьи и правового государства. В 2 тт. СПб, 1999. Т.1. С.336.
5. См. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С.467 — 490.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С.234-235.

РУССКИЙ МАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В.М. Русаков

Статья подготовлена
при поддержке МО РФ
грант № ГО2-1.1.-247

Русаков Василий Матвеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральской государственной сельскохозяйственной академии

Одно упоминание толерантности в связи с русским марксизмом способно поставить любого в тупик: слишком сильно окреп стереотип, согласно которому русский социализм — это революционные демократы («пламенный Виссарион», «нигилист» Писарев) и большевики (а это, прежде всего, — непримиримый В. Ленин и созданная им «партия нового типа»). Однако суть дела, как всегда, несколько тоньше: в русском марксизме, как известно, было не только радикальное — революционно-демократическое и большевистское крыло. Не менее сильным (а в определенный период — господствующим!) было либеральное направление, так называемый — «легальный марксизм», в последующем, после возникновения большевистского, коммунистического движения, — достаточно влиятельным было социал-демократическое движение (русский «меньшевизм»).

Однако уже вскоре после широкого распространения марксизма в России в нем происходит решительный раскол еще, казалось, совсем недавних единомышленников! И одна из линий раскола прошла как раз в вопросе о толерантности (терпимости, снисходительности к противоположным